

18+ СЕРТЕЙ БОРИСОВИЧ ЯРЕМЕНКО

Последний рейс Авры

ПОПАДАНЦЫ

Сергей Яременко

Последний рейс

Авры. Попаданцы

<https://litres.ru/74285779>

ISBN 9785007068352

Аннотация

«Последний рейс Авры» — это захватывающий сплав научной фантастики и военной драмы. История о столкновении высоких технологий с первобытной жестокостью Великой Отечественной войны, о цене выбора и о том, что даже один человек из будущего может навсегда изменить прошлое.

Содержание

Глава 1	5
Тишина	6
Глава 2	14
Чужая Земля	14
Глава 3	23
Язык будущего	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Последний рейс Авры Попаданцы

**Сергей Борисович
Яременко**

© Сергей Борисович Яременко, 2026

ISBN 978-5-0070-6835-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Тишина

Тишина в космосе была не просто отсутствием звука. Это была плотная, вязкая субстанция, давящая на обшивку корабля и на сознание тех, кто осмеливался нарушить её вечный, ледяной покой. Она звенела в ушах тонким, едва уловимым гулом, напоминающим о бесконечности пустоты.

Лекс сидел в кресле пилота, лениво покручивая в пальцах старый, потертый металлический жетон. Гравировка на нём почти стерлась от времени, но он чувствовал каждый штрих подушечками пальцев. Это была единственная вещь из дома, которую он всегда брал с собой в рейсы — якорь, удерживающий его в реальности, когда звёзды начинали казаться лишь холодными жемчужинами на чёрном бархате. За иллюминатором «Авроры» медленно проплывали миры, равнодушные и величественные. Грузовой буксир класса «Странник» шёл на автопилоте, везя партию стабилизированных кристаллов квантовой энергии для марсианских терраформирующих станций. Работа была рутинной, скучной, пахнувшей озоном и рециркулированным воздухом, но хорошо оплачиваемой. Именно такая цена покоя устраивала Лекса: он продавал время и нервы, чтобы обеспечить будущее на Земле-Примус, под защитой атмосферных куполов.

« — „Борис“, статус систем», — произнёс он, не отрывая взгляда от бесконечности, в которой терялось собственное

отражение.

Голос искусственного интеллекта прозвучал прямо в нейроинтерфейсе, мягкий, как шелест страниц старой книги: — Все системы в норме, капитан. Гипердвигатель работает на 98% мощности. До точки выхода из гиперпространства осталось четыре часа двенадцать минут. Рекомендую принять пищу и отдохнуть.

Лекс усмехнулся уголком губ. Отдыхать перед выходом из гиперпрыжка было правилом, высеченным в уставах, но сегодня что-то тревожило его. Неясное чувство, похожее на статическое электричество перед летней грозой, когда волосы на руках встают дыбом, а воздух становится густым и тяжёлым. Лекс отстегнул ремни безопасности и, оттолкнувшись от кресла, в невесомости подплыл к панели управления. Его движения были плавными, выверенными годами жизни в нулевой гравитации.

Он проверил показания датчиков гравитационного фона. Графики были идеальными. Слишком идеальными. Гладкими, как поверхность замёрзшего озера, без единой ряби.

— «Борис», проведи глубокий скан локального пространства. Ищи микроскопические искажения метрики. Любые аномалии, даже фоновые.

— Капитан, вероятность обнаружения аномалий в этом секторе составляет 0,003%. Это стандартный торговый маршрут, проверенный тысячами судов.

— Выполняй, — коротко бросил Лекс. В его голосе про-

звучала сталь, которую редко слышал голосовой помощник.

Интуиция капитана, отточенная годами полётов через нестабильные сектора Пояса Астероидов и туманности Ориона, редко подводила его. Сейчас она не просто шептала — она кричала, заглушая разум пульсирующей тревогой.

Прошло всего три минуты тишины, прежде чем панель управления вспыхнула кроваво-красным светом. Завыла сирена — звук, режущий нервную систему, словно тупой нож.

— Внимание! Обнаружена гравитационная сингулярность класса «Омега»! — голос «Бориса» дрогнул, потеряв обычную невозмутимость. — Искажение пространства превышает допустимые нормы в тысячу раз. Мы попадаем!

Лекс рванулся к креслу, пристегиваясь на ходу, чувствуя, как адреналин холодит кровь. — Выходи из гиперпространства! Экстренный тормоз! Полная реверсия тяги!

— Невозможно! Сингулярность блокирует работу гипердвигателя. Мы теряем управление. Щиты падают. Корпус испытывает критические нагрузки на разрыв.

Корабль затрясло так, будто гигантская невидимая рука схватила «Авру» и начала яростно трясти, желая выжать из неё жизнь. Металл застонал, издавая звуки, похожие на крик раненого зверя. Огни на мостике заморгали и погасли, уступив место аварийному багровому освещению, которое превратило лица приборов в зловещие маски. Лекс видел, как на главном экране пространство вокруг них искривляется, превращаясь в безумный калейдоскоп цветов и теней. Звёзды

вытянулись в длинные, дрожащие нити белого света, а затем исчезли вовсе, поглощенные пастью аномалии.

— Капитан! Структурная целостность нарушена в отсеках 4, 7 и 9! Мы теряем герметичность! Воздух уходит!

— Запечатать отсеки! Подать энергию на инерционные компенсаторы! — закричал Лекс, борясь с перегрузкой, которая вдавливала его в кресло с силой гидравлического прессы. Его тело казалось свинцовым, легкие сплющились, каждый вдох давался с трудом, словно он пытался вдохнуть воду.

— Энергии недостаточно! Системы перегружены. Мы падаем, капитан. Мы падаем в реальность.

«Падаем». Слово, которое не имело смысла в вакууме, теперь стало единственным описанием их состояния. «Авра» вылетела из гиперпространства не в точке назначения, а в неизвестности, брошенная временем и пространством. Датчики, слепые и глухие, показывали планету внизу. Синюю, зеленую, окутанную белыми вихрями облаков. Красивую. Смертельно красивую.

Земля?

Но это было невозможно. Координаты не совпадали ни с одной известной картой. Атмосферный состав... Лекс мельком глянул на анализатор, глаза слезились от напряжения. Азот, кислород, аргон. Состав земной атмосферы, но без следов промышленных загрязнителей, характерных для 31-го века. Без смога, без радиоактивного фона, без орбитальных станций, опоясывающих планету кольцом из металла и света.

— «Борис», где мы? — хрипло спросил Лекс, чувствуя вкус меди во рту.

— Определение координат затруднено из-за повреждения навигационных модулей. Предварительный анализ показывает соответствие планете Земля. Однако временные маркеры... ошибка. Данные противоречивы. Фоновое излучение не соответствует эпохе.

Корабль вошёл в атмосферу. Огонь охватил носовую часть «Авры», превращая её в раскаленный факел. Температура росла с каждой секундой, обшивка стонала и плавилась. Лекс видел, как плазма лижет иллюминаторы, закрывая обзор молочно-белой пеленой. Он знал, что шансов на мягкую посадку нет. Корабль слишком тяжелый, управление почти утрачено, а крылья — лишь воспоминание о былой аэродинамике.

— Приготовиться к удару, — прошептал он, закрывая глаза. Жетон в его руке стал горячим, обжигающим ладонь, словно пытаясь передать последнее тепло дома.

Удар был таким сильным, что мир рассыпался на осколки боли и темноты. Лекс потерял сознание. Последнее, что он услышал, был треск ломающегося металла, похожий на хруст костей, и вой ветра, ворвавшегося в пробитый корпус, как голодный призрак.

Он очнулся от запаха гари и влажной, тяжёлой земли. Боль пульсировала в виске ритмично, как удары молота,

каждое движение отдавалось глухим эхом в теле. Лекс открыл глаза. Над ним синело небо. Не тёмное, усыпанное огнями спутников, а живое, дышащее синевой, с небольшими ключьями белых облаков, плывущими куда-то вдаль. Воздух был непривычно густым, насыщенным запахами хвои, прелой листвы, сырой почвы и далекого, едва уловимого дыма. Этот запах был чужим, диким и пугающе настоящим.

Лекс попытался сесть и застонал. Скафандр был поврежден, местами обгорел, но жизнеобеспечение ещё работало, хотя и с перебоями, издавая тихое, прерывистое шипение. Он осмотрелся.

«Авра» лежала в огромной воронке, выжженной среди высоких, вековых деревьев. Корпус корабля был изуродован, металл покрыт копотью и глубокими царапинами. Из пробоев валил едкий дым, который медленно растворялся в зелёной листве. Кругом валялись обломки обшивки, похожие на чешую убитого дракона.

Лекс выбрался из кресла, ноги дрожали от слабости. Шатаясь, он подошел к разбитому иллюминатору и выглянул наружу. Лес. Густой, дикий, нетронутый. Никаких признаков городов, дорог, линий электропередач. Только деревья, кустарники и тишина. Та самая тишина, но здесь она была живой, наполненной шорохами ветра и пением птиц, пение которых он не узнавал.

Он выбрался из корабля и сделал шаг на землю. Под его ботинком с глухим треском сломалась сухая ветка. Звук в

первозданной тишине показался оглушительно громким.

Лекс поднял голову и посмотрел ещё раз на небо. Оно было чистым. Настолько чистым, что ему, привыкшему к оранжевому свечению светового загрязнения мегаполисов его планеты, стало почти больно смотреть. Солнце светило ярко, по-настоящему, согревая лицо сквозь поврежденный визор шлема.

И тогда он заметил первое странное обстоятельство, выходящее из картины дикой природы.

Недалеко от места крушения, среди поваленных деревьев, лежал остов машины. Не летающий транспорт, не гравцикл. Машина на четырех колесах. Старая, ржавая, с характерными угловатыми формами, покрытая грязью и мхом. И рядом с ней, полузарытая в листву, лежала каска. Стальная, тяжёлая, с потускневшей красной звездой.

Лекс замер. Сердце пропустило удар, затем забилось чаще, отбивая ритм.

Он медленно, словно боясь спугнуть видение, подошёл к находке. Поднял каску. Металл был холодным и шершавым от ржавчины. Внутри была выцветшая, истлевшая тканевая подкладка. На боку каски, едва различимо, была корявая надпись, сделанная мелом или белой краской: «*За Родину!*».

Лекс посмотрел на машину, потом на лес, на своё отражение в разбитом стекле «Авры» — человека в серебристом скафандре.

— «Борис», — тихо позвал он. Голос сорвался на шёпот.

— Ты здесь?

Ответа не последовало. Только треск поврежденных динамиков, похожий на сухой кашель умирающего механизма.

Лекс сжал каску в руках. Холодный металл обжег пальцы, проникая сквозь перчатки.

Он был на Земле. Но это была не его Земля. Это был мир, который он знал только из учебников истории. Мир, который должен был остаться позади навсегда.

И он был совершенно один.

Глава 2

Чужая Земля

Прошло несколько часов. Солнце прошло зенит, бросая длинные, косые тени через лесную чащу. Лекс пытался оценить масштаб катастрофы, но цифры на поврежденном дисплее скафандра плясали, отказываясь складываться в понятную картину. Бортовой помощник «Борис» молчал. Связь отсутствовала. Сканирование показало зияющую пустоту: ни радиоволн, ни спутниковых каналов, ни даже примитивных аналоговых передач. Мир был мёртв в информационном плане, глух и нем. Лекс собрал то, что можно было спасти из руин «Авры»: аварийный набор выживания, плазменный резак (который теперь выглядел как футуристическая зажигалка из серого пластика и металла) и личный бластер-стиллер, настроенный на минимальную мощность оглушения. Оружие было компактным, скрытым под курткой комбинезона, но его вес ощущался.

Нужно было найти людей. На корабле было достаточно стратегического запаса питательных брикетов и медикаментов, чтобы прожить несколько месяцев. Дикие животные его не пугали — экзоскелет скафандра, даже поврежденный, делал его сильнее медведя. Но одиночество в этом мире бы-

ло страшнее любого хищника. Ему нужны были ответы. Ему нужно было понять, где он находится. Лес был, мрачным. Деревья смыкали кроны над головой, создавая полумрак, в котором каждый шорох казался шагом врага. Его скафандр, хоть и поврежденный, всё ещё издавал тихое, ритмичное шипение систем терморегуляции, звучащее в тишине, как напуганная змея. Внезапно, где-то совсем рядом, хрустнула ветка. Звук был резким, преднамеренным.

Лекс замер, превратившись в статую. Из-за стволов старых сосен, словно тени, материализовавшиеся из самого леса, вышли люди.

Их было пятеро. Они двигались бесшумно, несмотря на тяжёлую обувь. Одежда на них была разношерстной, потёртой временем: кто-то в длинной серых шинели, кто-то в кожаной куртке, а кто в зелёном бушлате. На голове у одного блестела та самая стальная каска, которую Лекс нашел ранее. В руках они держали винтовки с длинными стволами, направленными вперёд. Оружие выглядело древним и ненадежным по сравнению с энергетическими пушками. Но в глазах мужчин читалась смертельная опасность.

— Стоять! Руки вверх! — крикнул тот, кто шёл впереди. Это был грузный мужчина с густой, рыжей бородой, жёсткими чертами лица, изборожденным морщинами и пронзительными, холодными глазами цвета стали. На его груди висел бинокль в кожаном чехле, а за поясом торчала деревянная кобура с маузером. Лекс видел такое оружие в музее

древности в родном городе. Теперь оно смотрело на него в упор. Лекс медленно, демонстрируя отсутствие угрозы, поднял руки. Его переводчик, встроенный в нейроинтерфейс, завибрировал, анализируя звуковые волны. — *Обнаружен диалект русского языка. Архаичные обороты. Вероятность совпадения с историческими архивами середины 20-го века: 98%.*

Лекс понял где он оказался. Пазл сложился с щелчком, от которого внутри всё похолодело. 1940-е годы. Вторая мировая война. И он, по среди леса, в своем странном серебристом комбинезоне, с футуристическими гаджетами, выглядел для этих людей не просто чужаком, а воплощением инопланетянина или, что более вероятно немецким диверсантом.

— Кто такой? Откуда? — прохрипел командир, подходя ближе. Дуло его винтовки уставилось, прямо в грудь Лекса.

« — Я... я не враг », — сказал Лекс по-русски, стараясь говорить медленно и громко, подбирая слова из базы данных. Акцент получился механическим. — Я потерпел крушение. Мне нужна помощь.

— Крушение? — усмехнулся один из партизан, молодой парень в ушанке, лицо которого усыпали веснушки. В его глазах угадывалась насмешка.

— Самолёт твой где? Мы не слышали никаких моторов. Только грохот, будто земля раскололась пополам.

— Это не самолёт, — начал объяснять Лекс, но осекся.

Как объяснить им про космический корабль? Они сочтут его сумасшедшим шпионом, пытающимся ввести их в заблуждение.

Командир шагнул вперёд и резко дернул Лекса за рукав комбинезона. Лекс покачнулся, потеряв равновесие, и из внутреннего кармана на землю выпал плазменный резак. Устройство упало на с глухим, тяжёлым металлическим звуком. Партизаны отшатнулись, вскинув оружие.

— Что это? — напрягся командир, его глаза сузились.

Лекс понял, что ситуация вышла из-под контроля. Инстинкт самосохранения заставил его медленно наклониться, чтобы поднять резак.

— Не двигаться! — зарычал командир, и в голосе прозвучала настоящая ярость.

Но было поздно. Лекс взял устройство в руку. Оно было небольшим, с единственной синей кнопкой активации. Для партизан, видевших смерть каждый день, это выглядело как детонатор адской машины или новое чудо-оружие, способное стереть их в порошок.

— Фашистский шпион! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — У него бомба! Стреляйте!

— Нет, это инструмент... — попытался объяснить Лекс, но его слова потонули в громких, синхронных щелчках затворов.

— Вяжи его! — приказал командир, вырывая резак из рук Лекса. — Быстро! Если дёрнется стреляйте на поражение.

Двое партизан тут же бросились к Лексу. Лекс мог бы легко отбиться, используя боевые навыки и скорость, усиленную остатками энергии экзоскелета скафандра. Один удар — и они бы отлетели. Но он понимал: если начнет драться, финал такой схватки неизвестен. Пули навряд ли смогут пробить броню, но тогда контакт с партизанами будет навсегда потерян. А ему нужны были не трупы, а ответы. Ему нужно было понимание того, как выжить в этой ситуации.

Ему скрутили руки грубой, пахнущей потом и землей веревкой. Узлы были затянуты туго, впиваясь в материал скафандра. Плазменный резак забрали, передавая командиру с осторожностью, как будто это была живая змея.

« — Ведите его к командиру », — сказал бородач, толкая Лекса в спину дулом винтовки. — Пусть сам разбирается с этим « диверсантом ».

Лагерь партизан располагался в глубоком, овраге, скрытом от глаз густыми кустами лещины и маскировочными сетями, сливающимися с осенней листвой. В нём было около тридцати человек. Люди сидели у костров, чистили оружие, грелись. Когда Лекса вели через лагерь, взгляды партизан с любопытством приковались к нему. Для них он был диковинкой. Арестованного подвели к большому шалашу, сооруженному из веток и брезента. Рядом с которым стоял мужчина лет пятидесяти. Он был седым, с глубокими морщинами на лице, они напоминали карту пройденных дорог. Сразу

было видно, что этот человек видел в жизни многое, чтобы удивляться чему-либо. В руках он держал самокрутку, дым от которой струился к прищуренному глазу.

— Майор Соколов, — представился он, не протягивая руки. Его голос был низким, хриплым от ядрёного самосада...

— Так вот он какой, немецкий диверсант. Говорят, ты с неба свалился, как метеорит. И оружие у тебя какое-то невиданное.

— Я не диверсант, — твердо сказал Лекс, встречая его взгляд. — И не немец.

— Тогда кто? Американец? Англичанин? — Соколов сделал шаг ближе, изучая незнакомца, как энтомолог изучает редкого жука.

— Твой акцент странный. Слова какие-то... неправильные, будто из книги читаешь. И одежда эта... из чего она? Металл? Ткань?

— Это композитный материал, — ответил Лекс. — Послушайте, майор. Я знаю, как это выглядит. Но я не шпион и могу помочь вам. У меня есть знания. Технологии, которые вы даже не можете представить.

— Технологии? — Соколов усмехнулся, и в этой усмешке не было веселья, только горечь. — У нас патроны экономят, сапоги дырявые, а ты нам про технологии заливаешь. Знаешь, что мы делаем с шпионами по закону военного времени?

Он кивнул двум бойцам, стоявшим за спиной Лекса. Те

подошли ближе и уткнули холодные дула винтовок в рёбра.

— Расстрелять, — коротко бросил Соколов, отворачиваясь. — Чтобы не мучился. И чтобы немцы узнали, что мы их нового суперсолдата закопали. Лекс почувствовал холодок, пробежавший по спине, несмотря на термоизоляцию скафандра. Это был не страх смерти, как таковой, а страх бессмысленной смерти. Здесь, в грязи, в лесу, без возможности вернуться домой, без возможности сказать последнее слово. Стать просто ещё одним телом в неизвестно могиле.

— Подождите! — воскликнул он, и в его голосе прозвучала отчаянная уверенность. — Вы хотите победить немцев? Хотите закончить войну быстрее? Спасти своих людей?

Соколов остановил рукой бойцов. Он медленно повернулся, прищурившись. — И что ты можешь предложить, немчуря? Лекс вспомнил про плазменный резак, который лежал на пеньке рядом с майором, словно трофеей. — Дайте мне моё устройство. Я покажу вам, на что оно способно. Если я лгу — стреляйте. Прямо в голову.

Соколов колебался. В его глазах шла борьба: недоверие, воспитанное годами войны, против прагматизма солдата, которому нужна победа. Любое преимущество. Он взял резак и протянул его пленнику, не развязывая рук. — Показывай. Но помни: одно лишнее движение, один неверный шаг — и ты труп. Лекс взял резак. Его пальцы нашли знакомую кнопку. Навел устройство на толстое, мокрое бревно, лежащее рядом и нажал кнопку.

Тонкий, почти невидимый луч голубоватой энергии вырвался из сопла. Не было звука выстрела, только тихое шипение, похожее на звук вскипающей воды. За долю секунды бревно было разрезано пополам. Края среза мгновенно обуглились, задымились, и от древесины пошёл сладковатый запах горелого сахара. Разрез был идеально гладким, словно сделанный скальпелем хирурга. В лагере повисла тишина, что было слышно, как трещат угольки в кострах. Партизаны переглядывались, их глаза были широко раскрыты от ужаса и восхищения. Соколов широко раскрыл глаза, забыв про цыгарку, которая чуть не обожгла его пальцы.

— Что это? — тихо спросил он, и в голосе впервые прозвучало нечто, похожее на уважение, смешанное со страхом.

— Это плазменный резак, — объяснил Лекс, опуская устройство. — Он может резать сталь, бетон, дерево. Без шума, без вспышки. Им можно вскрыть любой сейф, перерезать колючую проволоку, сделать проход в стене бункера.

Соколов подошёл ближе, рассматривая устройство, как священную реликвию. — И таких у тебя много?

— Нет, только один. Но я инженер. Я могу научить вас. Я могу улучшить любое оружие, создать средства связи, которые немцы не смогут перехватить. Я могу дать вам преимущество, о котором вы даже не мечтали. Майор посмотрел на Лекса долгим, оценивающим взглядом. В его глазах читалась борьба: недоверие против жажды победы. Война шла уже четвёртый год. Люди устали. Каждый день приносил но-

вые потери. Любое преимущество было на вес золота, на вес крови.

— Красиво говоришь, — наконец произнес Соколов. — Но слова — это ветер. Докажи делом.

Он кивнул бойцам. — Развяжите его. Но не спускайте глаз. Выделите отдельную землянку. И под двойную охрану. Затем он повернулся к Лексу, и его лицо стало жестким, как камень. — Если ты хочешь жить... Ты поможешь нам. Ты покажешь нам, на что способен. Если твоя «магия» окажется полезной для Родины, возможно, мы найдем тебе место среди нас. А если нет... — он многозначительно постучал по кобуре маузера. — ...То моя пуля найдёт тебя в любом случае. И смерть будет быстрой. Лекс кивнул.

У Лекса появился шанс остаться в живых. Пока что. Но он понял, что попал в клетку, прутья которой сделаны не из металла, а из подозрений. А ключ от этой клетки — не в его кармане, а в голове майора Соколова.

Ему нужно было доказать свою ценность. И быстро. Потому что время работало против него. Где-то в будущем, в том самом будущем, которое он пытался защитить, агенты «Хроно-Стражи» наверняка уже искали его след. А здесь, в прошлом, каждая минута могла стать последней.

Глава 3

Язык будущего

Землянка пахла сырой землей, плесенью и старым табаком. Это был узкий, низкий лаз, вырытый в склоне оврага и укрепленный старыми бревнами. Единственным источником света служила керосиновая лампа, сделанная из латунной гильзы небольшого снаряда, чье коптящее пламя отбрасывало на стены пляшущие, уродливые тени.

Лекс сидел на грубо сколоченной лавке, прислонившись спиной к холодной стене. Его руки были свободны. Дверь снаружи охраняли двое. Он слышал их приглушенные голоса, скрип сапог по земле и периодический звон металла — кто-то чистил оружие, а кто-то курил. Лекс закрыл глаза, пытаясь активировать нейроинтерфейс. — «Борис», диагностика. Минимальный режим энергопотребления.

Тишина. Затем, сквозь треск помех, пробился слабый, искаженный голос Бориса: — *...система... критическое повреждение... ядро... стабильность 12%... связь с внешними датчиками... отсутствует...*

— Можешь ли ты проанализировать состав воздуха и определить точную дату? — мысленно спросил Лекс.

— ...данные фрагментарны... анализ изотопов углерода в атмосфере указывает на период до 1950 года... высокая концентрация продуктов горения угля и древесины... радиоактивный фон в норме... вывод: вы находитесь в середине 20-го века...

Лекс выдохнул. Середина двадцатого века. Война. Он оказался в самом жерле исторической мясорубки человечества. Дверь землянки со скрипом распахнулась. В проёме возникла фигура Соколова. За его спиной маячила тень другого человека — женщины в сером ватнике поверх белого халата и с платком на голове. Она держала в руках медицинскую сумку.

— Выходи, — коротко бросил Соколов. — У нас есть разговор. Есть раненый, которого твои «фокусы» могут спасти. Или убить. Посмотрим. Лекс поднялся. Ноги затекли, но экзоскелет скафандра, работающий на остатках энергии, мягко поддержал его суставы. Он вышел наружу. Ночь уже опустилась на лес. Воздух стал холоднее, изо рта шёл пар. Партизаны сидели у костров, но при появлении Лекса разговоры стихли. На него смотрели сотни глаз — враждебных, любопытных, испуганных.

Соколов повел его к другому концу лагеря, где под навесом из брезента лежал человек. Молодой парень, лет двадцати не больше, и стонал, вернее бредил. Его нога была страшно искорежена: кость торчала наружу, рана грязная, воспаленная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.